

В. В. Носков

**ИЗОБРЕТАЯ
ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНУЮ ЕВРОПУ
К ВЫХОДУ В СВЕТ КОЛЛЕКТИВНОГО ТРУДА
ПОЛЬСКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ИСТОРИКОВ
«ИСТОРИЯ ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ»**

Статья имеет целью представить российскому читателю совместный труд польских и французских историков, посвященный общей истории стран Восточной Европы. Основное внимание уделяется критическому анализу концепта «Центрально-Восточная Европа», который рассматривается как идеологическая конструкция, оставшаяся в наследство современной историографии от времен «холодной войны», с одной стороны, и как попытка возрождения мифов о величии Речи Посполитой, с другой. Приходя к выводу о несостоятельности основного концепта, положенного в основу книги, автор статьи высоко оценивает тот вклад, который она внесла в разработку многих конкретных проблем истории Польши, Богемии/Чехии, Венгрии и других стран этого региона.

Ключевые слова: *Центрально-Восточная Европа, Польша, Богемия, Венгрия, историография.*

Предлагаемая на суд российского читателя книга представляет интерес во многих отношениях. Она не совсем обычна, поскольку в ней соединяются качества серьезного исторического исследования и развернутого политического манифеста, а эти жанры плохо сочетаются между собой. Совместный труд польских и французских историков — примечательный историографический феномен, заслуживающий самого пристального внимания со стороны всех, кто интересуется как историей наших недавних соседей, так и историей России и ее положением в современном мире. Авторы книги объединили свои усилия в стремлении дать максимально полное представление об истории стран и народов того региона, которому они дали условное название «Центрально-Восточная Европа». Строго формально, это история Польши, Чехии и Венгрии в их исторически менявшихся границах, которые в разное время включали в себя также территории современных Литвы, Белоруссии, Украины, Словакии и некоторых других стран. Главная трудность заключалась в поиске

общего названия для региона, границы которого постоянно менялись, а внутреннее единство было далеко не очевидным. Задача осложнялась также тем, что на протяжении веков менялось и относительное положение региона на исторической карте Европы, а также сами принципы ее регионального деления.

Понятие «Центрально-Восточная Европа» (далее — ЦВЕ) широко используется польской посткоммунистической историографией, а его появление представляет собой очередной шаг в поисках общего названия для государств этого региона, которые активизировались после 1989 года. Вырвавшись из «социалистического лагеря», эти страны встали перед проблемой выработки новой идентичности, определяющей их своеобразие относительно как Западной Европы, так и России. Таким образом, понятие ЦВЕ обозначает очередной вариант региональной идентичности, занимающей промежуточное положение между общеевропейской идентичностью и национальными идентичностями соответствующих стран. Наибольшую активность в процессе ее конструирования проявили польские историки, прежде всего Ежи Клочовский, по инициативе которого в 1991 г. был основан Институт Центрально-Восточной Европы в Люблине. Главным достижением Института и стала публикация в 2000 г. двухтомной «Истории Центрально-Восточной Европы».

Авторский коллектив книги объединил, за одним исключением, признанных мэтров исторической науки. Вдохновителем этого грандиозного предприятия стал профессор Католического университета в Люблине Е. Клочовский — личность, совершенно неординарная как по вкладу в исследование польской истории, так и по обстоятельствам своего жизненного пути. Он родился в 1924 г., в годы Второй мировой войны воевал в рядах Армии Крайовой, принимал участие в Варшавском восстании 1944 г. После войны Клочовский учился в университетах Познани и Торуня, в 1950 г. защитил диссертацию и начал работать в Католическом университете, где впоследствии возглавлял кафедры польской археологии и истории польской культуры. Главной сферой его интересов стала религиозная история Польши. Помимо того, Е. Клочовский проявил себя как активный сторонник политических преобразований. Уже в 1956 г. он стал одним из основателей польского Клуба католической интеллигенции, с 1981 г. работал в «Солидарности», а после ее прихода к власти был избран в сенат Польской республики. В 1991 г. Клочовский основал

Институт Армии Крайовой и занял пост директора Института Центрально-Восточной Европы. О международном признании его многогранной деятельности говорит членство в исполнительном совете ЮНЕСКО, а также многие другие почетные звания и должности. Как историк Клочовский дебютировал в 1956 г. монографией «Доминиканцы в Силезии в XIII–XIV веках». Среди других его работ следует отметить «Христианство в Польше» (1981), «Католическая церковь в мире и в Польше» (1986), «История польского христианства» (1987–1991), «Христианство и история» (1990), «Центрально-Восточная Европа в историографии стран этого региона» (1993), а также изданные под его редакцией коллективные труды «Церковь в Польше» (1968–1970) и «Религиозная история Польши» (1987).

Достойное место в современной польской историографии занимает также профессор Варшавского университета Хенрик Самсонович. Он родился в 1930 г., в переломные для Польши годы занимал важные посты в системе образования: в 1980–82 г. был ректором Варшавского университета, а в 1989–91 г. — министром народного образования в правительстве Т. Мазовецкого. Первая крупная работа Самсоновича — «Ганза — повелительница морей» (1958). В числе других его известных трудов: «Польские земли в X в. и их значение в формировании новой карты Европы» (2000), «История Польши до 1795 г.» (2000), «Золотая осень польского средневековья» (2001), «Долгий X век» (2002), «Жизнь средневекового города» (2006). О высоком авторитете двух первых авторов в современной Польше говорит оценка, прозвучавшая на конференции «Образ Польши на страницах “Культуры”», которая состоялась в 1999 г. в Париже: «Тадеуш Мазовецкий, Бронислав Геремек, Яцек Куронь, Лешек Бальцерович, Адам Михник, Ян Ольшевский, Веслав Хшановский, такие министры, как Кшиштоф Козловский или Хенрик Самсонович, такие фигуры, как Анджей Вайда или Ежи Клочовский, — это лишь некоторые, хотя далеко не первые попавшиеся представители целого спектра интеллигентских биографий, взглядов и позиций, коренным образом повлиявших на образ первого десятилетия свободы»¹.

Выпускница Варшавского университета Наталия Алексюн (род. в 1971 г.) попала в этот высококвалифицированный коллектив не столько за выдающиеся научные заслуги, сколько благодаря акту-

¹ См.: http://old.russ.ru/ist_sovr/other_lang/20001205.html

альности своей темы: «Холокост в историографии Центрально-Восточной Европы, 1945–1998». Написанная ею глава больше похожа на библиографическое введение к какой-то более крупной работе, чем на собственно историографическое исследование. В 2002 г. Алексюн опубликовала монографию «Куда дальше? Сионистское движение в Польше, 1944–1950», подготовленную на основе ее диссертации. В последующие годы она занималась в университете Нью-Йорка подготовкой второй диссертации, посвященной еврейским историкам в межвоенной Польше.

Особое место в авторском коллективе занимает американский историк польского происхождения, почетный профессор Йельского университета Петр С. Вандич. Он родился в 1923 г., покинул родину в трагическом сентябре 1939 г., до 1942 г. жил во Франции, откуда эмигрировал в Англию и вступил в польскую армию, оставаясь в ее рядах до окончания боевых действий. После войны он окончил Кембриджский университет, в 1951 г. защитил диссертацию в Лондонской школе экономики. Позднее Вандич переехал в США, преподавал в университете Индианы, а с 1966 г. обосновался в Йеле, где долгое время руководил программой Российских и Восточно-Европейских исследований, возглавляя в то же время Польский институт искусств и наук Америки. Вандич завоевал репутацию «одного из наиболее выдающихся исследователей Восточно-Центральной Европы в мире». Широкую известность получили такие его работы, как «Советско-польские отношения, 1917–1921» (1969), «Франция и ее восточные союзники, 1919–1925» (1974), «Земли разделенной Польши, 1795–1918 (История Восточно-Центральной Европы)» (1975), «Соединенные Штаты и Польша» (1980), «Сумерки восточных союзов Франции, 1926–1936» (1988), «Цена свободы: История Восточно-Центральной Европы от Средних веков до настоящего времени» (1993).

Французскую историографию представляют два не менее именитых исследователя: сотрудница Национального центра научных исследований Франции и Центра исторических исследований Школы высших исследований по социальным наукам в Париже Мари-Элизабет Дюкрё и профессор Университета Париж-1 (Пантеон-Сорбонн) Даниэль Бовуа. Д. Бовуа родился в 1938 г., получил специальность преподавателя русского языка, изучал также польский и украинский языки. В 1969–72 г. он возглавлял Центр французской культуры в Варшавском университете, в 1973–77 г. работал в Националь-

ном центре научных исследований, затем в Центре изучения польской культуры университета Лилль-III и в Центре славянских исследований университета Париж-I, возглавлял Французскую ассоциацию украинских исследований. В 1977 г. Бовуа защитил диссертацию на тему «Просвещение и общество в Восточной Европе: Вильнюсский университет и польские школы Российской империи (1803–1832)» (пол. изд. 1991). В 1982 г. им были опубликованы документы Польского восстания 1830–31 г. и программа «Солидарности» в переводе на французский язык. Среди последующих трудов Бовуа — «Шляхтич, крепостной и ревизор: польская шляхта между царизмом и украинскими массами (1831–1863)» (1984), «Битва за землю на Украине, 1863–1914» (1994), «Границы старой Польши» (1995), «История Польши» (1995), «Российская власть и польская шляхта на Украине, 1793–1830» (2003), «Польша: история, общество, культура» (2004).

М.-Э. Дюкрё получила в 1970 г. диплом по русскому языку в Национальной школе живых восточных языков, два года спустя — магистерскую степень по чешскому языку, а также степень лиценциата по литературе нового времени в университете Париж-III (Сорбонн нувель). На протяжении 1973–81 гг. она работала над диссертацией, посвященной богемской гимнологии периода Контрреформации, преимущественно в чешских архивах и библиотеках (защита в 1982 г.). Основная исследовательская и преподавательская работа Дюкрё протекала в Национальном центре научных исследований и в Школе высших исследований по социальным наукам. В 1991 г. она стала основательницей, а затем — первым директором Французского центра исследований по социальным наукам в Праге, в последующие годы работала также в Венгрии и Словении. Совместно с Р. Шартье и другими известными французскими историками Дюкрё участвовала в подготовке сборника «Культура книжной печати» (1987), позднее — в подготовке многотомной «Истории христианства». Предметом ее особого интереса стали история Богемии под властью Габсбургов и проблемы формирования чешской национальной идентичности, чем и объясняется тематика написанных ею глав.

Тексты французских историков подготовлены на уровне современной мировой историографии, чего нельзя сказать о произведениях их польских коллег, в основном историков старшего поколения, которые придерживаются довольно архаичных подходов к изучению прошлого. Как отмечал П. Вандич, «тесная связь между историей и политикой (и экономикой) в Польше была более заметна, чем на За-

паде». «Польский историк, — продолжал он, — традиционно был не только ученым, но также и властителем дум, поскольку история как дисциплина и история как национальное сознание зачастую были неразделимы. Замечено, что поляки более чем другие нации, переживают исторические события дважды: когда они происходят и когда они становятся объектом обсуждений и споров». А в ходе этого процесса рождаются мифы, которые со временем приобретают даже более серьезное значение, чем подлинные свидетельства истории². Подмеченные Вандичем особенности польской историографии в полной мере проявились и в данном труде.

Понятие «Центрально-Восточная Европа» утверждается в острой конкуренции как с более привычным наименованием «Восточная Европа», так и с различными вариантами концепта «Центральная Европа». При обсуждении темы «Центральная Европа: единство и разнообразие» на XIX Международном конгрессе исторических наук в Осло стало ясно, что старые «центральные-европейцы» не спешат признать беженцев из соцлагеря своими соотечественниками. «На протяжении второй половины 20 века очень специфической чертой центрально-европейской идентичности являлся Железный занавес», отмечал известный германский историк, подчеркнув, что последствия этого разделения сказываются до сих пор и «в процессах трансформации бывших социалистических стран, и в сохраняющихся различиях между идентичностями к востоку и к западу от бывшей границы»³. В ходе этих дебатов, писал российский участник конгресса, «центральным был вопрос о меняющемся характере географических терминов в истории, о сдвигах в представлениях о границах региона и существовании его “идентичности”. Связанные с этим проблемы соотношения данного региона с историческим наследием Австро-Венгрии и о времени, с которого можно вести речь о его существовании, вызвали оживленную дискуссию. Характерно, что близкие по смыслу, но другие по содержанию вопросы были подняты на семинаре “Центрально-Восточная Европа: границы и изменения национальных территорий” (организатор — польский проф. Е. Клочовский), поскольку состав участников обоих заседаний в значительной степени совпадал, многими присутствующими было отмечено тождество историко-политических тенденций этих двух

² *Wandycz*. 1992. P. 1011.

³ *Lemberg*. 2000. P. 349.

концепций. Так, если в основе первой (Центральная Европа) лежали, условно говоря, постгабсбургские реминисценции, то в основе второй (Центрально-Восточная Европа) — пост-ягеллонские мотивы»⁴.

Обсуждение этих проблем продолжилось на следующем конгрессе, проходившем в 2005 г. в Сиднее. На этот раз особое внимание обращала на себя антироссийская направленность концепций, выдвинутых в странах, которые претендовали на вступление в Европейский союз. «Примером может служить активно развивающаяся польскими историками концепция “Центрально-Восточной Европы”, — отмечали российские участники дискуссии. — На конгрессе в Сиднее она обсуждалась на симпозиуме, организованном под эгидой ЮНЕСКО, под названием “Место Центрально-Восточной Европы между Востоком и Западом в течение тысячелетия 1000–2000 гг.” Эта концепция была выдвинута польскими историками во главе с Е. Клочовским. В основе концепции лежит идея об особом пути развития стран этого региона, который в трактовке польских историков совпадает в основном с границами Речи Посполитой в период ее наибольшего территориального расширения. Главная задача — постараться доказать, что развитие России в ее нынешних границах и региона Центрально-Восточной Европы проходило разными путями»⁵.

Несмотря на все старания, концепция «Центрально-Восточной Европы» остается спорной и не получила сколько-нибудь серьезного признания за пределами узкого круга ее сторонников, что можно объяснить очевидной искусственностью самого термина. Как известно, на заре европейской истории сложилось не меридиональное, а широтное разделение Европы на цивилизованный Юг и варварский Север. Это разделение пережило Средневековье, эпоху Возрождения и сохранялось вплоть до века Просвещения. В значительной степени, хотя и по иным причинам, оно сохраняет смысл даже в настоящее время. Историю Литвы и Польши, например, вполне можно рассматривать в контексте истории Северной Европы или истории Балтийского региона. Точно так же историю Богемии/Чехии можно рассматривать в контексте истории Священной Римской империи германской нации, империи Габсбургов или германской *Mittleuropa*, а историю Венгрии — в контексте истории Балкан или, шире, — истории Юго-Восточной Европы. «Центрально-Восточная

⁴ Тихвинский. 2001. № . С. 14.

⁵ Бибииков, Тишков, Волков. 2006. № 1. С. 10.

Европа» — модифицированный вариант концепта «Центральная Европа», но, как справедливо замечает современный исследователь, «можно описать региональное членение Европы, вообще не прибегая к понятию Центральная Европа». Очевидно лишь то, что «Центральная Европа существует как идеологический феномен»⁶. Действительно, положенное в основу авторского замысла региональное деление Европы — конструкция, скорее, идеологическая, чем историко-географическая. Использование концепта «Центрально-Восточная Европа» открывает широкие идеологические, политические, а главное — пропагандистские перспективы.

Необходимо также учитывать, что в различные исторические эпохи «Центрально-Восточная Европа» имела разные географические пределы, что само по себе не позволяет использовать это понятие для обозначения комплекса описываемых территорий на протяжении всей их истории. «Расплывчатость» понятия «Центрально-Восточная Европа» и «множественность» его значений признают сами авторы, особенно французские, которые нередко используют иные названия для обозначения этого региона: «Центральная Европа», «Восточная Европа», «Восточная и Центральная Европа», «Центральная и Восточная Европа», «Центральный восток Европы» и даже «Срединная Европа». Понятие же, предложенное польскими историками, мало соответствует канонам исторической географии, которая играет столь важную роль в профессиональной подготовке их французских коллег.

При описании любого региона Европы, для начала необходимо определить, что такое сама Европа, но уже с этим возникают большие трудности. «Европа стала понятием, подверженным множественным политическим интерпретациям и изменявшимся в дебатах и политических столкновениях», — отмечал известный французский географ М. Фуше. Эта Европа «является политической, а не географической категорией». Ее можно определить не как географическое явление, а как «исторический процесс, запечатленный в пространстве с меняющейся географией»⁷. Такая неопределенность базовой категории порождает неопределенность любых производных от нее. При этом далеко не все историко-географические идеи, выдвигаемые французами, с пониманием встречаются их коллегами из иссле-

⁶ Миллер. 2001. № 6 (52). С. 76.

⁷ Фуше. 1999. С. 34, 112, 134, 137.

дуемого региона. Венгерский историк Дж. Лукач, живущий в США, писал, в частности: «Идеи Европы, поддерживаемые такими людьми, как господа Делор или Аттали, являются продолжением способа мышления восемнадцатого века, руководствующегося экономикой и зачастую абстрактным рационализмом, картезианским *esprit de la géometrie*. Они (увы, подобно многим французам) не понимают, что в конце эпохи модерна картезианское видение реальности устарело и зачастую бесполезно для дела созидания новой Европы»⁸.

Для бывших социалистических стран характерно практически единодушное неприятие более привычного для нас понятия «Восточная Европа», которое также является порождением французской мысли. На примере «Восточной Европы» американский исследователь Л. Вульф показал, как вообще формируются концепты такого рода. Ключевая роль в изобретении «Восточной Европы» принадлежала французским просветителям, поскольку Просвещение с самого начала нуждалось в «другой Европе», сравнение с которой позволяло утверждать «превосходство собственной цивилизации»⁹. Именно Европа Западная изобрела Европу Восточную как «свою вспомогательную половину», а «интеллектуальные достижения эпохи Просвещения привели к появлению новой оси координат на континенте и к обособлению Западной Европы и Европы Восточной. В сознании современников Польша и Россия более не ассоциировались со Швецией и Данией, а взамен оказались связанными с Венгрией и Богемией, балканскими владениями Османской империи и даже с Крымом»¹⁰. А «“Железный занавес” опустился в XX веке как раз там, где эпоха Просвещения провела границу между Западной Европой и Восточной, натянув занавес культурный, сотканный не из железа, а из более тонких материй»¹¹. «Восточная Европа» предстает в книге Вульфа как сознательно конструируемый интеллектуальный объект, при этом автор подчеркивает неустойчивость этой конструкции и ее зависимость от перемен на международной арене¹². В 1989 г. эта «Восточная Европа» прекратила свое существование, а интеллектуалы Польши, Чехо-

⁸ Лукач. 2003. С. 150.

⁹ Вульф. 2003. С. 253.

¹⁰ Там же. С. 35-37.

¹¹ Там же. С. 416.

¹² Там же. С. 518-524.

словакии, Венгрии совместно со своими западноевропейскими коллегами принялись заново открывать «Центральную Европу»¹³.

«Венгры, поляки и чехи (а также словаки, словенцы и хорваты) утверждают, что они относятся не к Восточной, а к Центральной Европе», констатировал в начале 1990-х гг. Дж. Лукач, указав при этом на «зачастую нереальное и иллюзорное желание восточных европейцев принадлежать к “Европе”, что, кроме всего прочего, означает желание получить одобрение “Запада”»¹⁴. Для этих народов утверждение своей принадлежности к «Центральной Европе» становилось первым шагом к «возвращению в Европу» вообще. Заметным результатом на этом пути стала консолидация бывших восточно-европейских обществ вокруг «европейской идеи»¹⁵. Для М. Фуше Польша, Чехия, Словакия и Венгрия — это «государства в точном смысле слова Центральной Европы»¹⁶. Однако принятая в этих странах концепция «Центральной Европы» имеет то принципиальное отличие от прежних, что они, прежде всего, Польша и Венгрия, «намерены сохранить некоторую открытость своих восточных границ»¹⁷. Одно это обстоятельство требовало модификации прежних концепций «Центральной Европы» и придания им некоей «восточной» специфики. Поэтому новая польская «концепция Центральной Европы отодвигала восточную границу региона (а на самом деле, в понимании ее авторов, восточную границу Европы вообще) на новые западные границы России»¹⁸.

Идейная поддержка в деле обоснования этой специфики пришла из-за океана. С. П. Хантингтон обратил внимание на то, что после падением коммунизма вопросы о том, что такое Европа и где она заканчивается, приобрели новую актуальность. Если с трех сторон границы Европы четко определены самой географией, то вопрос о ее восточной границе по-прежнему остается открытым. Для Хантингтона ответ на этот вопрос очевиден: это «великая историческая линия, которая существует на протяжении столетий, отделяя западные христианские народы от мусульманских и православных народов». «Это — культурная граница Европы, а в мире после Холодной вой-

¹³ Там же. С. 49-50.

¹⁴ Лукач. Указ. соч. С. 122, 134

¹⁵ Глинкина. 2007. № 3. С. 60.

¹⁶ Фуше. Указ. соч. С. 104.

¹⁷ Там же. С. 114.

¹⁸ Миллер. Указ. соч. С. 92.

ны — это также политическая и экономическая граница Европы и Запада», утверждает американский исследователь. Он призывает четко отделять Центральную Европу от Восточной, однозначно относя к Центральной, вслед за Фуше, четыре так называемых «Вышеградских государства»: Польшу, Венгрию, Чехию и Словакию¹⁹. Хантингтон имеет в виду региональную группировку, создание которой было провозглашено в 1991 г. в венгерской крепости Вышеград, где еще в 1335 г. короли Венгрии, Богемии и Польши заключили первое соглашение о региональном сотрудничестве. По сути, понятие «Вышеградская четверка» вполне может служить эквивалентом понятию «Центрально-Восточная Европа».

Немного по-иному, но в том же духе трактует эти вопросы З. Бжезинский, соединяющий в себе качества американского политика и польского патриота. «Хотя на данном этапе окончательные восточные границы Европы не могут быть ни твердо определены, ни окончательно установлены, — писал он, — в широком смысле слова Европа представляет собой цивилизацию, ведущую свое происхождение от единых христианских традиций». А «существующая ныне Европа просто не является целиком и полностью Европой. Хуже того, это Европа, на территории которой находится нестабильная в плане безопасности зона между Европой и Россией». В его представлении государства Центральной Европы, «такие, как Республика Чехия, Польша, Венгрия и, возможно, также Словения, несомненно соответствуют европейским требованиям». К этой передовой группе Бжезинский был готов добавить также Украину, если она сама «более четко определится как страна Центральной Европы»²⁰. Примечательно, отмечал научный сотрудник Института европейских исследований НАН Украины, «что основная масса украинских историков стоит в стороне от дискуссий о Центральной Европе. В целом это наследие остается чужим и противопоставляется мифологизированному народническому образу казачества». Очевидна «невысказанность польских сюжетов даже создателями мифа о центрально-европейской принадлежности украинской Галичины»²¹. Сходная картина наблюдается также в Литве и Белоруссии, которых авторы

¹⁹ *Huntington*. 1997. P. 158-161.

²⁰ *Бжезинский*. 1998. С. 101-105.

²¹ *Портнов*. 2007. № 1. С. 49.

данной книги тоже причисляют к «Центрально-Восточной Европе» в качестве составных частей Речи Посполитой.

Основоположник чешского национального возрождения Ф. Палацкий определял интересующий нас регион как территорию расселения народов, живущих «вдоль границ Российской империи». Такое определение указывает на особую роль, которую играет Россия в сознании изобретателей «Центрально-Восточной Европы». Уже в XX в. другой известный чешский деятель, Т. Г. Масарик, указывая на «духовную противоположность России и Европы», писал, что при пересечении западной границы Российской империи путешественник попадал в «аннексированные части Европы, земли, населенные католическими и протестантскими народами со старой европейской цивилизацией, присоединение которых к православной России до сих пор остается чисто внешним»²². В наше время автор книги «Пределы Европы» Ф. Болкестайн заявил: «Мы не должны стесняться признать, что границы существуют». Он призвал не расширять пределы Евросоюза дальше границы Польши с Украиной, которая представляет собой «естественные границы Европы». А «причина, по которой Россия и Украина не должны входить в Евросоюз, очевидна: если их туда пустить, Европа превратится во что-то совершенно другое»²³. Не случайно, что в процессе создания нового мифа о «Центральной Европе» России была предназначена роль «конституирующего чужого». «Именно через описание отличия от России доказывается “западность” Центральной Европы»²⁴. Этим во многом объясняется особое отношение к России со стороны авторов данной книги. Фельетонист «Известий» обозначил такое отношение как «мадьярское и польское разочарование слабыми успехами вхождения в Европу, переадресуемое в глубь советских времен»²⁵. В связи с этим можно напомнить известные слова М. Кундеры: «Подлинная трагедия Центральной Европы — не Россия, а Европа».

Предлагаемая вниманию российского читателя книга имеет довольно сложную структуру. Первая ее часть включает серию очерков, в которых история всего региона рассматривается в хронологической последовательности — с древнейших времен до конца XX

²² Масарик. 2000. С. 6-7.

²³ Болкестайн. 2004.

²⁴ Миллер. Указ. соч. С. 83.

²⁵ Соколов. 2007.

века. Ранняя история стран и народов этого региона занимает здесь не меньше места, чем история последующих веков, что выгодно отличает эту книгу от обобщающих отечественных трудов на ту же тему. Во второй части собраны эссе по отдельным проблемам истории государств «Центрально-Восточной Европы» и региона в целом. В известном смысле вторая часть представляет даже бóльший интерес, поскольку в ней излагаются результаты специальных исследований авторов и более четко выражены их концептуальные позиции.

Части книги заметно отличаются друг от друга. В первой главе, посвященной ранней истории региона (Х. Самсонович), хорошо показаны различия в развитии Польши, Венгрии и Богемии, их место в межгосударственной системе средневековой Европы и в международной торговле того времени. Показано также большое значение территориальной экспансии и связанных с ней конфликтов в становлении этих государств. Их история представлена в широком историческом контексте с постоянным учетом общеевропейских факторов, влиявших на их развитие. Картина нарисована почти эпическая. Важнейшее значение придается процессу христианизации, которая расценивается как основополагающий фактор истории народов этого региона. Следует подчеркнуть, что история религии и церкви освещается всеми авторами с максимальной полнотой и обстоятельностью. Яркой особенностью всей книги является также повышенное внимание к проблемам развития национальных культур. Посвященные этому разделы относятся к числу лучших, позволяя российскому читателю значительно расширить свои познания о культурной жизни стран этого региона. При этом очень тщательно прослеживается зарождение и развитие исторической мысли, игравшей особую роль в формировании национального самосознания этих народов. Уже в первой главе появляется достаточно спорный и не обладающий должной определенностью термин «политическая нация», играющий принципиально важную роль в концепции, которая положена в основу всей книги.

Наиболее спорной представляется глава 2-я, посвященная истории XIV–XVII вв. (Е. Клочовский). В частности, автором нарисована настолько непривычная для российского читателя картина взаимоотношений Московской Руси с «центрально-европейскими» государствами, что она с трудом поддается комментарию. Разделы об «Обществе», особенно применительно к XIV–XVI вв., написаны в архаичной марксистско-анналистской традиции и могут служить хорошей иллюстрацией того, насколько непродуктивен социологи-

зирующий подход к истории. Параграф о демографических изменениях построен преимущественно на произвольных допущениях и весьма приблизительных оценках. Попытка написать обобщающий очерк на столь разнообразном материале и применительно к длительному периоду оказалась не очень удачной. Часто остается неясным, к какому историческому моменту и к какой территории относится та или иная констатация. Сам автор, возвращаясь к проблемам общественного развития в XVI–XVII вв., признает большое «разнообразие ситуаций» и «предельное разнообразие социальных отношений», требующих тщательного изучения. Серьезные вопросы порождают страницы, посвященные Реформации в Чехии. Гуситское движение представлено Ключовским как преимущественно разрушительный процесс, а между тем, это было самое значительное и оригинальное достижение католического востока в духовной сфере. Ф. Палацкий имел все основания утверждать: «В эту эпоху народ наш достиг вершины своей исторической значимости»²⁶. Умаление чешского опыта, очевидно, потребовалось автору для того, чтобы на этом фоне подчеркнуть достижения польской католической мысли. Отметим сразу, что гуситство полностью реабилитируется в главах, подготовленных французскими историками и П. Вандичем.

Для 2-й главы особенно характерна идеализация Речи Посполитой с ее «дворянской демократией». Одним из центральных тезисов Ключовского стало утверждение о том, что в Речи Посполитой было создано уникальное для средневековой Европы общество веротерпимости. Однако в свете этой концепции остаются совершенно необъяснимыми причины казацкого восстания на Украине, с самого начала характеризовавшегося чрезвычайным ожесточением сторон. Невероятная жестокость отличала польско-украинское противостояние на протяжении нескольких веков, вплоть до Волынской резни 1944 г. Но как зерна этой ненависти могли произрасти в столь «толерантном» обществе, которое преподносится чуть ли не как образец для всей Европы, совершенно непонятно. Таким образом, предложенная автором концепция не позволяет объяснить один из самых острых вопросов в истории Речи Посполитой. К пониманию этих событий подводит лишь признание Ключовского в том, «польская знать не понимала сути украинской проблемы».

²⁶ Палацкий. 1982. С. 271.

Для этой главы, в большей степени, чем для других, характерна модернизация исторической реальности, использование понятий, рожденных более поздним временем, для описания событий далекого прошлого, а также применение западной по происхождению терминологии для обозначения явлений польской истории. Наиболее показательным примером может служить отождествление шляхты и граждан, на основе чего сословное шляхетское сознание характеризуется как ранняя форма гражданского самосознания, представляемого с позиций либерализма XIX в. Подобная подмена терминов происходит постоянно, а концептуальное обоснование нередко сводится к терминологической игре, основным приемом в которой является систематическое искажение смыслов. Поэтому вполне можно согласиться с мнением о том, что в рассуждениях Ежи Клочовского «ремесло историка безжалостно приносится в жертву политической пропаганде»²⁷. Автор развивает свои взгляды в последующих главах, в которых исторический анализ нередко уступает место неприкрытой апологии Речи Посполитой, изображаемой как «самое самобытное, долговечное и добровольное объединение в Европе» и чуть ли не как пример для нынешнего Евросоюза.

Аббат Мабли в своем известном сочинении дал, как представляется, более убедительную оценку устройства Речи Посполитой: «В Польше гражданами являются одни только дворяне, и устройство сего государства столь порочно, что они, несмотря на необузданную свою любовь к свободе, — скорее деспоты, нежели граждане, и лишь терзают любезное им отечество, поскольку не способны быть свободными»²⁸. Уместно напомнить также предостережение С. Сташица своим соотечественникам, высказанное еще в 1790 г.: «если теперь, когда вам никто не препятствует, вы не сумеете укрепить свое государство надлежащим образом... то этим вы докажете, что вы не в состоянии управлять самими собою и что вы не понимаете политического положения Европы. Вы станете навеки в Европе посмешищем и подтвердите этим обвинения, которые бросали нам три монархии для того, чтобы оправдать свое насилие над польской нацией»²⁹.

К числу лучших страниц, написанных Е. Клочовским, относятся те, которые посвящены конкретному изложению религиозной исто-

²⁷ Миллер. Указ. соч. С. 93.

²⁸ Мабли. 1993. С. 66.

²⁹ Сташиц. 1956. С. 198.

рии Польши. Очень профессионально освещается, в частности, история развития и упадка протестантской Реформации, которая представлена как продолжение процесса христианизации «центрально-восточноевропейских» стран. Представленные польским историком материалы способствуют лучшему пониманию феноменов Контрреформации, «католической реформации» и «рекатолизации». В отличие от своих французских коллег, Ключовский призывает отказаться от антибарочных и антикатолических стереотипов эпохи Просвещения, с чем вполне можно согласиться. Большой интерес представляет также его очерк о Брестской унии, посвященный важнейшей и одной из самых спорных проблем церковной истории изучаемого региона. Униатство превратилось в национальную церковь для народов, проживающих в пограничной зоне между католичеством и православием, и легло в основу их национальной идентичности, отличающей их от иноверных соседей. Успехам «греко-католической веры» способствовала подчеркнутая автором «инструментализация религии», в результате чего униатство превратилось в важнейший фактор исторического развития восточных окраин Европы.

Глава 3-я («Пространство Польско-Литовской республики в XVIII в XIX веках») принадлежит перу Д. Бовуа. В других своих трудах он уже выступал против «историографической реабилитации Речи Посполитой» и подверг критике взгляды Е. Ключовского, считая некорректным ее изображение в качестве образца «гражданского общества»³⁰. И здесь он вступает порой в прямую полемику с польским коллегой, что придает книге дополнительный интерес. Бовуа отвергает «польский презентизм» и подчеркивает большую роль мифов в польском менталитете. Вместе с тем, он, наряду с польскими историками, широко использует концепт «политическая нация», отождествляя ее с польской «дворянской нацией». В связи с этим возникает вопрос, зачем вообще называть ее «нацией», если фактически речь идет о сословии, а не о «нации» в точном смысле этого слова. Тем более что впоследствии, согласно Бовуа, значительная часть польского дворянства, проживавшего на отошедших к России землях, превратилась в «интеллигенцию». Следует отметить, что Бовуа в большей степени, чем другие авторы, уделяет внимание «внешним факторам нациогенеза».

³⁰ См.: *Портнов*. Указ. соч. С. 51.

Говоря о населении современных Украины и Белоруссии, автор использует исключительно латинизированную «рутенскую» терминологию: «бело-рутенские области», «бело-рутенская идентичность», «Белая Рутения», «обе Рутении», «рутенский язык (белорусский или украинский)», «южные рутены». Красной нитью через весь его текст проходит противопоставление «рутенского» и «русского». Русские, по утверждению автора, намеренно переименовали «рутенков» в «малороссов», чтобы оправдать аннексию их территории. Зато Австрия, пишет Бовуа, поощряла своих «рутенков», благодаря чему там всего «за несколько десятилетий появились украинцы-западноевропейцы». Остается, правда, непонятным, как эти «западноевропейцы» смогли появиться на дальней периферии «Центрально-Восточной Европы». Злоупотребляя понятиями «рутенки» и «Рутении», автор, по сути, отказывает Украине и особенно Белоруссии в наличии у них собственной полноценной истории. Больше всего, как и в других частях книги, не повезло белорусам, у которых «было очень мало интеллектуалов». В изображении Бовуа, «бело-рутенки» — «самая неявно выраженная из национальностей» этого региона, которая в силу своей отсталости вообще не заслуживает упоминания.

Энергичная, даже напористая манера изложения позволила Бовуа создать компактный, насыщенный и очень содержательный текст. Однако подобная манера ведет порой к перехлестам. Уже в рецензии на исследование Бовуа о Вильнюсском университете отмечались «довольно частые неточности», допускаемые автором³¹. Эта неаккуратность особенно наглядно проявляется в новой работе при изложении фактов российской истории. В азарте полемики Бовуа порой не щадит и собственную родину. Во всяком случае, довольно трудно понять, какое отношение имели якобинцы к штурму Бастилии и к созданию французской конституции 1791 г. Подобные ошибки можно обнаружить и в других главах, написанных Бовуа, хотя в целом они подготовлены на более высоком уровне, чем первая. Наибольший интерес представляет эссе «Происхождение и знание: шляхта и польская интеллигенция в XVIII в XIX веках», в котором прослеживается процесс зарождения и эволюции польской интеллигенции в Российской империи, а также поднято немало важных проблем

³¹ См.: Lithuanian Quarterly Journal of Arts and Sciences. Vol. 27. № 1. (Summer 1981) (http://www.lituanus.org/1981_2/81_2_07.htm).

более общего характера, прежде всего — проблема польского наследия на присоединенных к России и Австрии землях. Особое место в книге занимает написанная Бовуа глава об историографических дискуссиях вокруг Украины/Рутении. Глава написана увлекательно и во всех отношениях окажется полезной для любого заинтересованного читателя, хотя и здесь автор иногда излишне увлекается в стремлении обосновать свою точку зрения. Так, согласно его утверждению, одна-единственная статья М.И. Грушевского опровергла всю существовавшую на тот момент российскую историографию.

4-я глава, посвященная положению Богемии и Венгрии в составе монархии Габсбургов, написана М.-Э. Дюкрё. Несомненно высокопрофессиональный текст поначалу труден для восприятия и едва позволяет уследить за хитросплетениями административных преобразований в Габсбургской державе. Постепенно изложение приобретает более внятный характер, а после перехода к освещению проблем нациогенеза становится даже увлекательным. Однако историю разных стран, входивших в империю Габсбургов, оказалось трудно привести к общему знаменателю. В случае с Венгрией еще можно было использовать концепт «дворянской нации», подобной польской, но, как уточняет автор, это «полиэтническая венгерская дворянская нация». Проследившая дальнейшую историю Венгрии, Дюкрё показывает трансформацию ее сословного общества в современную нацию, а «традиционной политической нации» — в этническую «мадьярскую нацию». Хорошо показано, что гражданское развитие определяли процессы, «не сводимые к упрощенному противопоставлению либералов и консерваторов или к этническим антагонизмам».

Совершенно иная картина, в отличие от Польши и Венгрии, где в роли нации представлено дворянское сословие, складывалась в Богемии, история которой находится в фокусе исследовательских интересов Дюкрё. «В политико-юридическом смысле богемской нации не существовало», отмечает она и проследживает формирование этнической чешской нации, обретавшей свою идентичность в постоянном сопоставлении с германской, благодаря чему одним из определяющих факторов истории стран Богемской короны являлся «антагонизм двух “наций-этносов”». В конечном итоге, заключает автор, к концу XIX в. чешскую нацию, фактически лишенную собственного дворянства, «изобрели» в виде плебейского общества. Блестящим во всех отношениях является очерк Дюкрё, посвященный проблеме

формирования чешской национальной идентичности. Она подчеркивает, что термины, применяемые для описания такого рода феноменов, не являются бесспорными, и что не существует понятий, общих для всех наций Европы. Автор с полным основанием заключает, что «любой текст, посвященный национальному самосознанию, может, в свою очередь, превратиться в миф», а избранными для его характеристики «критериями также можно манипулировать». Она обращается также к популярной в современной историографии проблематике исторической памяти. Очень своевременно звучит предупреждение Дюкрё о том, что в связи со вступлением стран «Центрально-Восточной Европы» в Евросоюз им фактически «предлагается пересмотреть свое отношение к истории».

Глубокие познания Дюкрё о прошлом Богемии/Чехии наилучшим образом проявились при рассмотрении проблем культурной и интеллектуальной истории. Гораздо хуже обстоит дело с освещением международной ситуации, в которой развивались интересующие ее процессы, хотя Дюкрё признает большое влияние внешних факторов на внутреннюю историю Габсбургской монархии. Многочисленные ошибки и неточности, допущенные ею при обращении к проблемам истории международных отношений, создают в итоге искаженную картину того, в каких внешнеполитических условиях развивалось это своеобразное государство.

Цикл интересных и важных в концептуальном смысле очерков подготовлен П. С. Вандичем, чьи подходы отличаются от исследовательской манеры как собственно польских, так и французских историков. Прежде всего, это эссе «XX век», в котором автор демонстрирует более трезвый и взвешенный взгляд, чем его соотечественники. Вместе с тем, подчеркнутая объективность маскирует порой нежелание давать определенные оценки тем или иным событиям. В частности, сотрудничество украинцев с немцами в период Второй мировой войны, по его мнению, «подчинялось национальным интересам и требует нюансированной оценки». С этим утверждением вполне можно было бы согласиться, если бы оно стало общим правилом, а не применялось бы только при рассмотрении отдельных, весьма специфических ситуаций. Вандич отмечает характерный для интеллектуальной элиты «центрально-восточноевропейских» стран «комплекс неполноценности по отношению к Западу». Очень любопытно заключение к этой главе. К концу XX века, пишет Вандич, по уров-

ню экономического развития «Венгрия шла по пятам за Чехословакией и опережала Польшу, как почти всегда в своей истории». И далее: «Различия между странами региона не подверглись радикальным переменам». В этих словах обозначена долговременная историческая тенденция, действовавшая на протяжении многих столетий, вне зависимости от политических режимов, общественного строя или господствующей идеологии.

В 14-й главе («Национальные ренессансы и национализм в XIX и XX веках») Вандич обращается к «наиболее важной и в то же время наиболее спорной в истории Центрально-Восточной Европы проблематике». Автор совершенно обоснованно начинает с вопроса о терминологии, приходя к заключению, что не существует универсальных понятий, посредством которых можно описать национальные процессы в разных странах и регионах. Он подчеркивает, в частности, различие между «национализмами» народов Западной и Центрально-Восточной Европы. Вместе с тем, в главе можно обнаружить немало спорных утверждений, касающихся формирования литовского, украинского и, особенно, белорусского национального самосознания. Эта глава заставляет задуматься о многих проблемах нашего общего прошлого, как и следующая, посвященная «Национальным восстаниям XIX столетия и их отзвуку в XX веке». Эта тема рассматривается преимущественно в историографическом ракурсе. Среди поднятых автором проблем наибольший интерес вызывает интерпретация долгой череды восстаний, происходивших в Польше.

Особняком стоят две последние главы, написанные Вандичем. В главе 17-й («Между плюрализмом и тоталитаризмом. Вопрос о политических режимах») автор анализирует различные определения «авторитаризма» и «тоталитаризма», но представленный им обзор показывает лишь то, что не существует общепризнанных определений, которые можно было бы с успехом применять при анализе конкретных исторических ситуаций. Глава в целом разочаровывает, поскольку исторический нарратив подменяется политологической схоластикой. Не очень удачной как по замыслу, так и по исполнению представляется глава 18-я («Война и мир»). Здесь, прежде всего, удивляет апология Ю. Пилсудского, главным историческим достижением которого было создание изначально нежизнеспособного государства. Поражает также архаичность оценок, которые даются крупнейшим военно-политическим конфликтам XX века. Характе-

ристика Первой мировой войны, например, почти дословно повторяет примитивную пропаганду, которая велась в те годы в державах Антанты. «Холодной войне» даются на редкость упрощенные оценки. Очень характерна концовка этой главы: государства «Центрально-Восточной Европы», утверждает Вандич, «видят гарантию в структурах НАТО... и в Европейском Союзе, растущем за счет новых европейских демократических стран». В этих словах заключено резюме того политического послания, которое зашифровано в книге польских и французских историков.

Несомненно, история этого региона, как бы его ни называли, заслуживает самого серьезного изучения, особенно в России, учитывая тесные исторические связи наших народов. Книга польских и французских историков намного расширяет наши знания о странах этого региона, история которых была гораздо богаче и насыщеннее, чем можно было судить по отечественной историографии. Вместе с тем, следует признать, что синтез истории стран «Центрально-Восточной Европы» не получился. Книга представляет собой набор слабо связанных друг с другом текстов, написанных с различных методологических позиций. Положенной в ее основу концепции свойственна двойственность. С одной стороны, авторы стараются показать, что во всех этих странах все было, в общем, «как в Европе», но, с другой, они стараются выявить специфику «Центрально-Европейского» региона, не сводимую к общеевропейскому знаменателю. Свою роль сыграли и издержки жанра: сам замысел обобщающей коллективной монографии, основанной на некоей *idée-fixe*, диктует стратегию создания соответствующего нарратива, которая вынуждает авторов писать обо всем, а не только о том, что они хорошо знают.

Затрагивая сюжеты, касающиеся истории России, авторы обнаруживают недостаточное знание фактического материала и зависимость от сложившихся на Западе пропагандистских стереотипов. На страницах книги можно обнаружить откровения типа того, что уже на рубеже XV–XVI вв. Московская Русь вынашивала планы относительно Сибири и «всей Евразии» или что «без Петра Могилы не было бы Петра I» (Е. Клочовский). Как полагает Д. Бовуа, при построении своей Петербургской империи ее основоположник опирался на учение «Москва — Третий Рим». А касаясь судьбы несчастных польских учителей, он утверждает: «Беда тем наглецам, осмели-

вающимся ухаживать за девушками благородного происхождения, — их ожидала ссылка». Искушенный российский читатель воспримет открытия такого рода как забавное недоразумение, но просвещенный европеец вполне может воспринять эти утверждения всерьез. Несомненное достоинство книги заключается в том, что она дает хорошее представление о тех стереотипах и предрассудках, которые определяют отношение к России со стороны европейской «общественности», и помогает понять, почему «Европы» всех видов воспринимают события в России определенным образом и почему они не способны воспринимать их адекватно.

Замысел книги во многом объясняется трагическим опытом польской истории. Однако необходимо иметь в виду, что бедствия, пережитые Польшей, далеко не всегда объяснялись происками ее врагов. Во многом они были вызваны неадекватной самооценкой поляками самих себя и своего места во всемирной истории. Большую роль в формировании такого отношения сыграла польская национальная историография. В последние годы мы наблюдаем рецидив, почти буквальное повторение пройденного. Польшу уже не раз губил комплекс «великой державы», из-за которого она вступала в конфликты с действительно великими державами — с соответствующими результатами. И когда польская историография начинает снова лелеять застарелый комплекс национального величия — это верный признак того, что Польшу опять ждут большие разочарования. Здесь налицо типичный синдром «малой империи». В этом смысле польская историческая мысль следует по пути старой западной историографии, воспевавшей прелести колониализма и его достижения. Однако современный мир давно уже живет в атмосфере «постколониальных исследований», которые требуют совершенно иных подходов к изучению истории взаимоотношений между народами.

Само по себе стремление изобрести какую-то иную, небывалую прежде «Европу» равнозначно невольному признанию того факта, что это не совсем Европа, а если и Европа — то второго сорта. Это, если использовать появившиеся в литературе определения, некая «промежуточная Европа», «восточная окраина Центральной Европы», периферийный регион «между немцами и русскими». На протяжении веков страны этого региона служили для Европы и «восточным барьером», и «санитарным кордоном», всегда оставаясь чу-

жими для нее, чем-то внешним, не совсем европейским. Это противопоставление воплотилось в понятии «новая Европа», которое впервые появилось после Первой мировой войны и возродилось недавно в процессе расширения Евросоюза. «Новая Европа» противопоставила себя «старой», окончательно похоронив миф о единой Европе и в очередной раз показав неопределенность самого этого понятия. Это противопоставление наглядно проявилось и в формуле «Центрально-Восточная Европа», которая расширяет пределы традиционной Европы за счет территорий, не признаваемых европейскими ею самою. Основная отличительная черта концепции ЦВЕ — это ее принципиальная открытость на восток, в сторону «утерянных территорий». Однако при этом неопределенная граница на востоке ведет к размыванию «центрально-восточно-европейской» идентичности, делая невозможным ее конструирование на сколько-нибудь прочных основаниях. «Центрально-Восточная Европа» — плод воображения ныне живущего поколения идеологов, порожденного «холодной войной». Остается надеяться, что не столь отдаленное будущее породит новые идеи. В заключение хотелось бы привести слова П. Вандича: «Все вышеизложенное ждет обсуждения и требует более точного и нюансированного подхода». Лучше не скажешь.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / Пер. О. Ю. Уральской. М.: Международные отношения, 1998. 256 с.
- Бибиков М. В., Тишков В. А., Волков В. К.* XX Международный конгресс исторических наук // Новая и новейшая история. 2006. № 1. С. 3-9.
- Болкестайн Ф.* «Соединенные Штаты Европы — это иллюзия» // Известия. 28 августа 2004.
- Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. И. Федюкина. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 560 с. (Historia Rossica).
- Глинкина С. П.* Центрально-Восточная Европа на пути в Евросоюз // Новая и новейшая история. 2007. № 3. С. 46-65.
- История Центрально-Восточной Европы. СПб.: Евразия, 2009. 1120 с.
- Лукач Дж.* Конец двадцатого века и конец эпохи модерна / Пер. Н. М. Селиверстова. СПб.: Наука, 2003. 256 с.
- Мабли Г.-Б., де.* Об изучении истории. О том, как писать историю / Пер. С. Н. Искуля. М.: Наука, 1993. 414 с. (Памятники исторической мысли).

- Масарик Т. Г.* Россия и Европа. СПб.: РХГИ, 2000. 448 с.
- Миллер А. И.* Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России // Новое литературное обозрение. 2001. № 6 (52). С. 75-96.
- Палацкий Ф.* История народа чешского / Пер. М. И. Леньшиной // Антология чешской и словацкой философии. М.: Мысль, 1982. С. 265-273.
- Портнов А.* Изобретая Речь Посполитую? // Ab imperio. 2007. № 1.
- Соколов М.* Европа есть, а счастья нет // Известия. 16 мая 2007.
- Стаицц С.* Предостережение Польше, вытекающее из современных политических отношений в Европе и законов природы // Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей. М.: Госполитиздат, 1956.
- Тихвинский С. Л.* Итоги XIX Международного конгресса исторических наук в Осло // Новая и новейшая история. 2001. № 1. С. 3-28.
- Фуше М.* Европейская республика. Исторические и географические контуры / Пер. В. П. Серебренникова и Т. Н. Серебренниковой. М.: Международные отношения, 1999. 168 с.
- Huntington S. P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y.: A Touchstone Book, 1997. 368 p.
- Lemberg H.* Boundaries and Identities of Central Europe: Changing Concepts // Proceedings. Actes. Raports, abstracts, and round tables introductions. 19th International Congress of Historical Sciences. Oslo, 2000.
- Wandycz P. S.* Historiography of the Countries of Eastern Europe: Poland // American Historical Review. Vol. 97. № 4 (October 1992).
- Lithuanian Quarterly Journal of Arts and Sciences. Vol. 27. № 1 (Summer 1981) (http://www.lituanus.org/1981_2/81_2_07.htm).

Носков Владимир Витальевич, д.и.н. профессор, зав. Отделом всеобщей истории Санкт-Петербургского Института истории РАН; vnoskov@yahoo.com.